

ДОКУМЕНТЫ О ПРИЗНАНИИ РОССИЕЙ НОРВЕЖСКОГО НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА В 1905 ГОДУ

Предлагаемые документы Архива внешней политики России являются первой публикацией материалов об отношении России к образованию самостоятельного норвежского государства.

Борьба Норвегии за освобождение от унии со Швецией шла на протяжении всей второй половины XIX в. и достигла кульминационного пункта в начале XX в. В процессе этой борьбы Норвегия завоевала довольно широкую национально-областную автономию. Страна имела собственную конституцию и национальные органы власти (правительство, стортинг), самостоятельные в решении внутриполитических вопросов. Связь Норвегии со Швецией к началу XX в. заключалась, в основном, в наличии единого внешнеполитического ведомства и, следовательно, общего для двух стран дипломатического и консульского представительства за границей.

Разделение единого министерства иностранных дел на отдельные шведское и норвежское внешнеполитические ведомства означало бы фактически разрыв шведско-норвежской унии. Норвежская либеральная буржуазия, возглавившая движение за разрыв унии со Швецией, на протяжении ряда лет выдвигала вопрос об организации независимой от Швеции норвежской консульской службы, видя в этом мероприятии первый шаг к обособлению всего внешнеполитического ведомства для Норвегии. Этот вопрос (о нем упоминается в док. № 1) был выдвинут с новой силой в конце 1904 — начале 1905 г., когда внутриполитическая и международная обстановка была особенно благоприятна для успешного отделения Норвегии от Швеции.

Особенно хорошее понимание обстановки в Скандинавии накануне разрыва шведско-норвежской унии проявил русский вице-консул в Гаммерфесте Г. Г. Цур-Мюлен, который в своих письмах (одно из них приводится) сообщал о положении в Норвегии вице-директору Второго департамента МИД России А. К. Бентковскому, находившемуся с вице-консулом в дружеских отношениях.

Чтобы запугать Норвегию перспективой изоляции перед лицом могущественного восточного соседа и тем самым предотвратить ее отделение от Швеции, противники отделения распространяли в скандинавских странах и особенно в Норвегии слухи об агрессивных устремлениях России.

Между тем из публикуемых материалов, исходящих как с русской, так и с норвежской стороны, явствует, что Россия не имела никаких враждебных намерений в отношении Норвегии и с самого начала шведско-норвежского конфликта занимала благожелательную позицию в вопросе отделения Норвегии.

Отделение Норвегии от Швеции, последовавшее 7 июня 1905 г., не явилось полной неожиданностью для русского правительства, так как оно было к этому подготовлено рядом донесений своих представителей в скандинавских странах и его позиция в отношении молодого норвежского государства в целом уже была определена.

После фактического разрыва унии и шведские и норвежские правящие круги стремились узаконить этот разрыв на основе официального соглашения обеих сторон. С этой целью они начали в августе 1905 г. переговоры в шведском городе Карлстаде, благополучно завершившиеся при содействии русской дипломатии в сентябре 1905 г. (об этих переговорах упоминается в док. № 2 и № 3).

10 октября в МИД России поступило частное письмо норвежского премьер-министра Хр. Миккельсена от 6 октября 1905 г., зондировавшего позицию России в от-

ношении признания независимости Норвегии (док. № 2). Уже на следующий день В. Н. Ламздорф послал Миккельсену письмо, в котором ясно выражалось согласие на признание Норвегии сразу же после ратификации Карлстадских соглашений (док. № 3).

В конце октября 1905 г. министр иностранных дел Норвегии Лёвланд прислал в МИД России телеграмму с просьбой установить дипломатические отношения (док. № 4). Русское правительство тотчас же отправило ответ, содержавший признание Норвегии (док. № 5). Таким образом, Россия была первой державой, признавшей независимость Норвегии и установившей с ней дипломатические отношения. В свою очередь, первый норвежский дипломатический представитель за границей был назначен в Петербург.

Документы, относящиеся к ноябрю — декабрю 1905 г., дают представление об установлении дружественных добрососедских отношений между Россией и Норвегией. Большой интерес имеют инструкция МИД России первому русскому посланнику в Норвегии А. Н. Крупенскому (док. № 6), содержащая исчерпывающую характеристику истории русско-норвежских отношений, а также донесение А. Н. Крупенского о внешнеполитических установках молодого норвежского государства (док. № 7).

В конце публикации приводится текст речи первого норвежского посланника в России Н. Х. Г. Пребенсена при вручении им копий верительных грамот министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу (док. № 8). «Многовековая традиция и сами интересы обеих стран, — заявил в этой речи Пребенсен, — дают нам уверенность в том, что отношения между моей родиной и ее могущественной соседкой будут продолжать развиваться самым счастливым образом».

Как свидетельствуют публикуемые материалы, политика русского правительства в отношении Норвегии характеризовалась постоянным стремлением сохранить и упрочить добрососедские отношения с этой северной страной. Такая политика определялась потребностью обеспечить безопасность северо-западных границ России и предотвратить возможность использования скандинавских стран в качестве плацдарма для нападения на Россию. Особая чувствительность, проявляемая русским правительством к безопасности России именно в этом районе, объяснялась, во-первых, близостью Петербурга — политического, экономического и культурного центра империи — к северо-западным границам; во-вторых, наличием в этом районе такой пограничной области, как Финляндия, являвшейся для царизма постоянным источником политических забот и осложнений.

Большое влияние на благоприятное для Норвегии разрешение вопроса об унии оказала и первая русская буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. Она дала толчок развитию революционного движения в Европе, способствовала, в частности, подъему рабочего движения в Швеции и Норвегии и усилению национально-освободительных стремлений во всем мире.

Публикуемые документы были выявлены и подготовлены к печати сотрудниками Архива внешней политики России совместно с автором вводной статьи и примечаний к этим документам. Предлагаемые документы являются частью подготовленной более обширной публикации по данной теме.

В. В. Погребкин

*Из письма Г. Г. Цур-Мюлена А. К. Бентковскому
о политической обстановке в Норвегии*

Гаммерфест, 16 (29) мая 1905 г.

Глубокоуважаемый
Альфред Карлович,

Шведско-норвежский конфликт, о котором я позволял себе писать Вам уже раньше, ныне, благодаря состоявшемуся в субботу, 14 мая, отказу короля Оскара II в санкции закону об отдельных для Норвегии консулах, принял весьма критический оборот. Норвежское министерство Миккельсена, проводившее означенный закон, подало в отставку, и страна находится в положении открытого гражданского восстания против королевской власти. Король отказался, однако, принять отставку сказанного министерства, хорошо понимая, что при нынешних обстоятельствах образование нового правительства ему не удастся, так как ни один норвежец не согласится исполнить соответствующее королевское поручение. Министерство же заявило, что король своим отказом в санкции нарушил конституцию, каковое заявление за норвежским правительством обеспечивает полную свободу действий. Все бывшие до сего времени переговоры, как и затронутые в их течении принципиальные вопросы и попытки к разрешению оных, ныне следовательно имеют лишь исторический интерес и положение дел рисуется в совершенно новом виде; но шведские и норвежские противоположные интересы столкнулись столь резким образом, что возврат к бывшим до настоящего спора взаимным отношениям скандинавских государств представляется весьма маловероятным. Ход событий, вероятно, опередит мое письмо, которое я посылаю из отдаленного города, куда только через четыре дня доходят в виде газетных статей отголоски совершающихся в Христиании событий; настоящее положение дел, однако, долго длиться не может; разрешение же спора в смысле норвежских или шведских желаний будет зависеть исключительно от развития энергии и большего или меньшего напряжения сил у той или другой стороны. ...

Позвольте мне закончить свое письмо несколькими словами о вечере, проведенном мною незадолго до моего отъезда сюда, в одном из христианских клубов, где я встретился с некоторыми представителями местной интеллигенции, в том числе с бывшим городским головою г. Христиании, ныне состоящим одним из директоров Норвежского государственного банка д-ром Бек. Наш разговор коснулся политического положения Норвегии, причем мои собеседники воспользовались моим присутствием для высказывания своих соображений о том, что веденная со шведской стороны в последнее время, с целью приписания России завоевательных по отношению Норвегии стремлений, усиленная пропаганда им всем напомнила о том, что мир между Россией и Норвегией на самом деле никогда не нарушался и что именно эта полемика им ясно указала на источник существующих отчасти по этому предмету в Норвегии предубеждений. Вечер закончился многократным провозглашением тостов за процветание России, что на меня произвело столь приятное впечатление, что я решаюсь сообщить Вам об этом случае из частной моей жизни.

Искренно благодаря Вас за снисходительное внимание, которое Вы столь любезно оказываете моим письмам, остаюсь с выражением моего глубокого к Вам почтения истинно преданный Вам

Г. Цур-Мюлен

АВПР, ф. II. Департамент, 1—5, р. IV, 1904 г., д. 4, ч. I, л. 72—75. Подлинник.

*Личное письмо премьер-министра Норвегии Хр. Миккельсена
министру иностранных дел России В. Н. Ламздорфу
с неофициальным запросом
об установлении дипломатических отношений
между Россией и Норвегией **

Христиания [23 сентября] 6 октября 1905 г.

Лично и конфиденциально

Господин граф,

Норвежскому правительству хорошо известны неопценимые услуги, оказанные российским императорским правительством как Норвегии, так и Швеции, с целью облегчить справедливое разрешение унияльного кризиса. Принося настоящим глубокую и искреннюю благодарность Вашему сиятельству и императорскому правительству за доброжелательное к нам отношение, прошу Вас верить, что я выражаю таким образом чувства всего норвежского правительства.

Надеясь всегда встречать подобную доброжелательность с Вашей стороны, осмелюсь просить разрешения обратиться к Вам конфиденциально с вопросом, о котором был бы счастлив узнать Ваше мнение.

Как известно Вашему сиятельству, шаги, предпринятые с целью найти преемника на норвежский престол, пока не увенчались успехом, и вследствие этого норвежскому правительству предстоит закончить дела со Швецией и добиться признания со стороны иностранных держав.

Что касается отношений со Швецией, то норвежское правительство питает надежду, что предварительное соглашение в Карлстаде будет вскоре окончательно одобрено норвежским и шведским парламентами и что Швеция, в соответствии с условиями соглашения, известит иностранные государства о своем признании Норвегии в качестве государства, отделившегося от Швеции. После этой нотификации теперешнее норвежское правительство намерено безотлагательно обратиться непосредственно к иностранным державам, чтобы добиться установления нормальных дипломатических и консульских отношений, в которых, как мне кажется, в равной мере заинтересованы и эти державы и моя страна.

Ввиду этого я был бы весьма признателен, если бы Ваше сиятельство сообщило свое мнение о том, сочтет ли императорское правительство возможным принять полномочного посланника и консулов, назначенных норвежским правительством, и будет ли оно расположено, со своей стороны, назначить полномочного посланника при норвежском правительстве.

Позволяя себе таким образом просить у Вашего сиятельства драгоценного совета, смею надеяться, что Вы благожелательно отнесетесь к этой просьбе.

Примите, господин граф, искреннее выражение моей признательности и уверения в моем глубоком почтении

Миккельсен

Премьер-министр норвежского правительства

АВПР, ф. II. Департамент, 1—5, р. IV, 1904 г., д. 4, ч. I, л. 292—293. Подлинник на французском языке.

№ 3

*Проект ответного письма В. Н. Ламздорфа Миккельсену ***

28 сентября (11 октября) 1905 г.

Лично и конфиденциально

Милостивый государь,

Письмо, с которым Ваше превосходительство соблаговолили обратиться ко мне 6 октября с. г., только что получено мной, и я спешу сообщить Вам, что весьма

* Сверху на письме надпись, сделанная в канцелярии МИД России: «Получено 27 сентября 1905 г. по почте».

** Проект был утвержден царем без изменений. Петергоф, 28 сентября 1905 г.

тронут чувствами, выраженными в нем как от Вашего имени, так и от имени всего норвежского правительства.

Вдохновляемая лучшими намерениями, Россия могла желать только мирного и справедливого исхода кризиса, который только что закончился разделением некогда единых королевств Швеции и Норвегии.

Императорское правительство счастливо, что оно смогло способствовать, по мере возможности, полюбовному разрешению этого вопроса. Как только предварительное Карлстадское соглашение будет окончательно одобрено парламентами обеих стран и их отделение будет должным образом нотифицировано всем державам, я уверен, что его величество император соблаговолит приказать мне приступить к учреждению дипломатического представительства и консульской службы, имеющих целью облегчить добрососедские и искренне дружеские отношения, которые Россия стремится развивать с Норвегией.

Соблаговолите принять и т. д.

АВПР, ф. II. Департамент, 1—5, р. IV, 1904 г., д. 4, ч. I, л. 324. Подлинник на французском языке.

№ 4

Телеграмма министра иностранных дел Норвегии Й. Лёвланда с просьбой установить дипломатические отношения между Норвегией и Россией

Христиания, 15 (28) октября 1905 г.

В связи с расторжением унии Норвегии и Швеции, которое было должным образом нотифицировано Швецией, норвежское правительство желало бы возможно скорее войти в официальные сношения с Россией и надеется на согласие императорского правительства.

АВПР, ф. Секретный архив, д. 375/381, л. 71. Перевод с французского.

№ 5

*Проект ответной телеграммы В. Н. Ламздорфа Й. Лёвланду **

16 (29) октября 1905 г.

В ответ на Вашу телеграмму от 28 текущего месяца имею честь по высочайшему повелению его величества императора уведомить Ваше превосходительство, что императорское правительство, принимая к сведению акт о расторжении унии между Швецией и Норвегией, о котором его официально уведомило шведское королевское посольство, признает Норвегию в качестве совершенно независимого государства, во всей ее территориальной целостности, и заявляет о своей готовности незамедлительно войти в официальные сношения с Норвегией.

АВПР, ф. Секретный архив, д. 375/381, л. 72. Перевод с французского.

№ 6

*Проект инструкции русскому посланнику в Норвегии ***

4 (17) ноября 1905 г.

Ввиду последовавшего высочайшего указа о назначении Вас¹ посланником при дворе его величества короля Норвегии, вмещаю себе в обязанность снабдить Вас

* Утвержден без изменений царем. Петергоф, 16 октября 1905 г.

** На инструкции царская помета «Согласен». Царское Село, 4 ноября 1905 г.

некоторыми указаниями о том положении, которого императорское правительство намерено придерживаться по отношению к вновь образовавшемуся независимому скандинавскому государству, а также о тех предметах, на которые Вам надлежит, в качестве русского представителя в Христиании, обратить особое внимание.

Из текста высочайше одобренной телеграммы моей норвежскому министру иностранных дел норвежское правительство могло усмотреть, каким особенно дружеским и искренним благорасположением воодушевлено императорское правительство по отношению к Норвегии, причем признание нами этого государства в полной его территориальной неприкосновенности должно было убедить норвежское правительство в совершенной неосновательности мнения об агрессивных замыслах России по отношению к ее северному соседу.

Страх перед нападением России, проявившийся в Норвегии уже издавна, коренится в установленной по разграничению 1826 года неблагоприятной для нас пограничной черте и в тех преимуществах, которые представило бы для России, в экономическом и военном отношении, обладание норвежским Финмаркеном² с его открытыми незамерзающими гаванями на океане.

В качестве первого дипломатического представителя России в независимой Норвегии, Вам предстоит прежде всего убедить норвежское правительство в миролюбивой политике императорского правительства. Задача эта будет в значительной степени облегчена Вам, благодаря добрым соседственным отношениям, связывающим Россию с Норвегией, и тому факту, что в течение всей вековой истории нашей дипломатической жизни с двумя скандинавскими государствами, Норвегия всегда выказывала нам несравненно более приязни, чем Швеция.

В частности, считаю необходимым обратить Ваше внимание на один вопрос, по которому Вашему превосходительству придется объясниться с норвежским министерством иностранных дел немедленно по приезде в Христианию.

По имеющимся у нас сведениям, есть основание предполагать, что за последнее время велись переговоры о возобновлении между Англией и Норвегией договора 9/21 ноября 1855 года.

Трактат этот был заключен в Стокгольме, в разгар Крымской войны, союзными Англией и Францией с шведско-норвежским правительством, в видах присоединения Швеции и Норвегии к системе союзов, направленных против России.

Не обладая пока положительными данными, которые позволяли бы судить, исходит ли мысль о возобновлении трактата 1855 г. от стокгольмского кабинета, желающего внести некоторую рознь и охлаждение в начинающиеся отношения наши с Норвегией, или это дипломатический шаг, который входит в расчет известных стремлений английского правительства, следует признать, что императорское правительство не могло бы отнестись безразлично к такому, не соответствующему отношениям доброго соседства, действию норвежского правительства.

Поэтому и в видах парализования означенных стремлений и была послана норвежскому министру иностранных дел упомянутая телеграмма, в которой определенным образом заявлено, что Россия признает новое норвежское государство во всей его территориальной неприкосновенности.

Вашему превосходительству поручается совершенно доверительно и откровенно объясниться дружественным образом в этом смысле с норвежским министром иностранных дел, не придавая, однако, Вашему заявлению особо категорического характера требования от Норвегии отказа от предполагаемого возобновления договора, так как следует надеяться, что норвежское правительство само поймет ту ошибку, которую оно сделало бы, ограничив при первых же шагах своей новой политической жизни свободу действий в международных своих сношениях.

Если же норвежское правительство желало бы непременно обеспечить неприкосновенность своей территории каким-либо особым международным актом, то, по мнению императорского правительства, наилучшим способом достижения этой цели было бы соглашение между Россией, Германией, Францией и Англией насчет общей гарантии неприкосновенности норвежской территории.

Из вышесказанного Вы можете заключить, что в Христиании Вам предстоит следить главным образом за политикой двух держав: Швеции и Англии, интересы которых сходятся в том, чтобы отношения наши к Норвегии не носили того

дружественного и искреннего характера, который они всегда имели до сих пор.

В этих целях оба названных правительства будут, очевидно, стараться использовать против России вопрос о нашей границе с Норвегией. Как я имел случай упомянуть в начале настоящей инструкции, разграничение 1826 г. играет вообще значительную роль в политических наших отношениях к Норвегии.

Вследствие сего, полагая, что исторические данные по вопросу об исправлении нашей границы с Норвегией могут быть Вам полезны при переговорах по другим делам, касающимся Севера, считаю не лишним ознакомить Ваше превосходительство в общих чертах с ходом этого дела для Вашего личного сведения.

Пограничная линия, установленная договором 2 (14) мая 1826 г., отрезывает нас от бухт южного Варангера³.

Область, известная в прежнее время под названием общих Лапландских погостов (faelleds districter), простираясь от Верес-наволока (мыс бухты Буг-фиорд, в Варангерском заливе), вдоль Ледовитого океана, до Рыбачьего полуострова,— в течение многих лет (с XIV века) составляла предмет споров между Россией и скандинавскими государствами. В XVI и XVII столетиях лопарская земля, в грамотах Печенгскому монастырю, называется «искони вечная отчизна наша Великого Государя, а не Датского Короля». Однако и датские, и шведские короли простирали свои притязания чуть не до Колы и посылали сборщиков податей к лопарям, платившим дань и России. К концу XVIII века мы, по-видимому, утвердились в том крае,— и лопари нявдемские, пазрецкие, мотовские и печенгские признаны были в русском подданстве и несли повинности наравне с государственными крестьянами. Тем не менее, норвежский форт восточного Финмаркена до 40-х годов XIX века от времени до времени наезжал в Колу и в торжественной «протестации» требовал дани с лопарей спорных погостов. С конца же XVIII столетия приплытые лопари норвежские из внутренних областей стали распространять свои кочевья далее на восток, до Рыбачьего полуострова, и тогда столкновения между русскими и норвежскими лопарями участились и потребовали вмешательства обоюдных властей. При таких обстоятельствах шведско-норвежское правительство предложило нам приступить к разграничению владений в лапландских погостах, с разделением спорной области — пространством около 6000 кв. верст — по реке Пазе⁴, приблизительно пополам. Затребованные по этому поводу от местных наших властей сведения и данные для обоснования прав наших на области к западу от реки Пазы оказались недостаточными. Между тем шведско-норвежский посланник барон Пальмштиерна, в изменение первоначальных своих предложений, стал ходатайствовать перед нашим правительством, чтобы все низовье реки Пазы и часть территории к востоку до реки Воряемы была отграничена к Норвегии, соглашаясь взамен того сохранить за нами 1 кв. версту земли вокруг церкви св. Бориса и Глеба, на левом берегу реки Пазы. Мотивом для изъясненного желания шведско-норвежского правительства выставлено было, что в местности по низовьям рек Пазы и Воряемы гарнизон приграничной норвежской крепости Вардэгус привык запасаться дровами и что лодки, употребляемые для этой цели, не приспособлены к плаванью по другим более мелким рекам. Довод этот, как видно из тогдашней переписки, не встретил возражений с нашей стороны, и в 1825 году решено было послать международную комиссию исследовать вопросы на местах. Инструкцией нашему комиссару внушалось: 1) не отделять от России местностей, ей когда-либо принадлежавших, 2) сохранить за Норвегией ее владения, 3) составить предположения о разделе спорных областей, с соблюдением обоюдных выгод. При этом, в особенности, делегат наш должен был прилагать все усилия к поддержанию с норвежскими уполномоченными доброго согласия и примирительной умеренности, приличествующих в отношениях между агентами дружественных и соседних держав. Назначенный делегатом императорского правительства подполковник квартирмейстерской части Галямин новых доказательств в обоснование прав наших на спорные участки не собрал, а представил некоторые сведения о кочевьях и промыслах лопарей, русских и норвежских, и начертал, совместно с норвежским уполномоченным, проект разграничения общих погостов, во всем согласно с поступившими ранее норвежскими предложениями и пожеланиями. По высочайшему повелению императора Николая Павловича, проект комиссии был рассмотрен управлявшим министерством иностранных дел графом Нессельроде вместе с генерал-

адъютантом бароном Дибичем, а за сим была сделана попытка побудить шведско-норвежского посланника отказаться от желания удержать местность между нижним течением реки Пазы и рекою Вормей, с губами Пазрецкой и Ровдянской, причем предложено было даже допускать служителей Вардгусского гарнизона приходить запасаться дровами на нашу территорию; но шведско-норвежский посланник барон Пальмштиерна нашел это неудобным. Тогда была заключена в С.-Петербурге, на основании норвежских пожеланий, разграничительная конвенция 2 (14) мая 1826 года, а на следующий год подполковник Галямин, вместе с норвежским делегатом, занялся обозначением договорной границы на местах и составлением топографических планов и описаний. В 1846 году граница, по соглашению между Правительствами России и Норвегии, была проведена и возобновлена, а в 1847 году особой декларацией условлено производить такие поверочные работы через каждые двадцать пять лет.

Но и по сие время в памяти лопарей наших живо чувство обиды, причиненной отмежеванием двух погостов их к Финмаркену. Между прочим, они обращались с жалобами на действия комиссара Галямина к великому князю Алексею Александровичу во время посещения его высочеством северной окраины России перед второй поверкой границы, исполненной в 1871 г. Тогда его высочество изволил обратить внимание на невыгодное для нас положение морской границы в том краю, где главное условие развития и благосостояния заключается в доступности открытого моря.

Шведско-норвежское правительство, оценивая сделанные приобретения и, по-видимому, опасаясь за их сохранность, как известно, в 1855 году заключило упомянутый выше договор с Великобританией и Францией, коим названные державы гарантировали Швеции и Норвегии неприкосновенность их владений, причем, в свою очередь, шведско-норвежское правительство обязалось не делать России никаких территориальных уступок и даже не обменивать с нами никаких территорий. Несмотря на то, и перед последней поверкой границы в 1896—97 гг., как сообщал наш консул в Финмаркене, в обществе и печати в Норвегии заметно было тревожное настроение и ходил слух, что правительство русское намерено обнародовать жалованные грамоты царя Иоанна Васильевича Печенгскому монастырю, 1556 года, утверждающие наши права на бухты Южного Варангера, чтобы вновь заявить на них притязания. Комиссарами нашими, при начале занятий в 1896 г., было замечено чувство успокоения, которого не могли скрыть норвежские делегаты, когда при устье Вормеи был водружен вновь первый пограничный столб на прежнем месте.

За последние 30—35 лет норвежское правительство приложило немало усилий для прочного обноружения своей северной окраины, и, таким образом, к настоящему времени все элементы лопарского вопроса, по-видимому, бесповоротно изменились.

Экономические отношения наши к Норвегии основаны на торговом договоре 1838 г. и § 9 дополнительной к нему статьи о складочном сборе с шведских и норвежских сельдей. Остальные постановления дополнительной статьи отменены последовательными декларациями. Хотя в означенном трактате не имеется условия о наибольшем благоприятствовании, тем не менее императорское правительство предоставляет Норвегии и Швеции все наши конвенционные тарифы, ввиду того, что до сих пор в Соединенных Королевствах действовал один общий для всех автономный тариф. Императорская миссия должна иметь наблюдение за торговыми и тарифными соглашениями, так как изменение приведенного порядка может привести к таковым недоразумениям или вызвать необходимость пересмотра трактата 1838 г. По поводу этого соглашения следует заметить, что оно давно устарело и что в 1895 г. министром финансов был возбужден вопрос о заключении нового коммерческого договора с Швецией и Норвегией. Но ввиду существовавшей тогда в Скандинавии внутренней политической розни, момент для начатия переговоров был признан императорским правительством неудобным и представление министра финансов было оставлено без последствий.

Из экономических вопросов, близко затрагивающих наши интересы на Севере, следует особенно упомянуть о нашей поморской торговле в Норвегии и об охране наших северных вод от вторжения норвежских зверопромышленников.

Жители Архангельской губернии производят издавна на своих судах лов рыбы у норвежских берегов. Промысел этот не обеспечен никаким договорным соглаше-

нием и нормируется лишь внутренним норвежским законодательством. За последние годы права поморов на участие в рыбных ловлях у берегов Финмаркена все более и более стесняются усиливающимся административным воздействием со стороны норвежских властей.

Поэтому на обязанность императорской миссии и русского консульства в Финмаркене возлагается ревностно защищать интересы нашего поморского флота, доставляющего заработок значительной части населения Архангельской губернии.

Что касается вторжения норвежских зверобоев в русские моря, то императорское правительство с 1893 г. посылает ежегодно специально военное судно на весенние и летние месяцы для охраны наших северных вод. Военное судно крейсирует по северному побережью европейской России, от границы Норвегии — на восток, до льдов Карского моря. Охрана же западной части Мурманского берега возложена на местный административный пароход. Деятельность нашего крейсера не имеет вовсе враждебного значения для норвежцев, так как инструкция его, неизменяемая из года в год, одинаково имеет в виду хищников всех стран, издавна нарушавших неприкосновенность наших территориальных вод в горле Белого моря, где весной особенно много водится тюленя.

При размежевании в 1826 году спорных лопарских областей границей владений России и Норвегии, как сказано, было принято течение реки Пазы и русские лопари оказались отрезанными от океана, но, по условию разграничительной конвенции, они сохранили право охоты и рыбной ловли в новых норвежских пределах. Протоколом, подписанным уполномоченными обоих государств в 1834 г., за нашими лопарями Пазрецкого погоста сохранено право пользования их семужьими ловлями в Пазрецком и Ровдинском заливах навсегда, с тем, чтобы во время пребывания в Норвегии они подчинялись норвежской администрации; рыбный же промысел им предоставлено производить теми же способами, в те же сроки и на тех же местах, как они производили его с незапамятных времен.

С течением времени, однако, лопари наши стали подвергаться в Норвегии разным стеснениям: часть тоней была ими утрачена, представления же наших консулов в Финмаркене по этому поводу не имели успеха. Во избежание дальнейших недоразумений правительства России и Норвегии согласились в 1899 г. учредить на местах особую международную комиссию, которой было поручено описать лопарские тони, нанести их на планы и определить точнее условия промыслов. По некоторым пунктам, касающимся этих бытовых условий, между комиссарами возникли разногласия и нерешенные, таким образом, вопросы должны были составить предмет дипломатической переписки между обоими правительствами. При этом выяснилось, что норвежское правительство желало бы ослабить значение протоколов 1834 года и придать ему крайне ограничительное толкование, устраняя из обычаев лопарского промысла все, что не оговорено в тексте означенного соглашения. Подобные стремления, однако, не оправдываются как общим смыслом протокола, так и историей его возникновения, по связи с конвенцией разграничения 1826 года, когда Россией была уступлена Норвегии, из дружеских побуждений, безвозмездно та область, между низовьями рек Пазы и Вормеы, где еще предстояло урегулировать лопарский вопрос, с справедливым вниманием к особенностям стародавнего лопарского быта.

Соображения министерства иностранных дел по этому предмету были изложены в отзывах на имя императорского посланника в Стокгольме в декабре 1900 и июне 1904 годов. На сделанный нашей миссией запрос ответа шведско-норвежского министерства еще не получено.

Поэтому Вам необходимо тщательно ознакомиться со всеми подробностями этого дела и приложить все старания Ваши к скорейшему его разрешению в желательном для нас смысле, имея в виду, что императорское правительство не придает лопарскому вопросу политического значения, но считает своим нравственным долгом отстаивать исконные права русских лопарей, тесно связанные с их кочевым образом жизни и обеспечивающие этим обездоленным сынам дальнего севера постоянные заработки в летнее время.

В заключение считаю долгом указать Вам на то, что императорское правительство вообще относится вполне благожелательно к своему северному соседу и искрен-

не стремится сохранять с ним счастливо установившиеся дружеские связи. Никаких затаянных целей или видов по отношению к Норвегии императорское правительство не имеет.

АВПР, ф. II. Департамент, 1—5, р. IV, 1904 г., д. 4, ч. II, л. 16—32. Подлинник.

№ 7

Донесение посланника России в Норвегии А. Н. Крупенского В. Н. Ламздорфу о подробностях беседы с Й. Лёвландом

Христианиа, 12 (25) декабря 1905 г.

Милостивый государь,
граф Владимир Николаевич,

На следующий же день после моего приезда, 6 (19) декабря, в Христианию я был принят министром иностранных дел. Г-н Лёвланд встретил меня, как нельзя более радушно, но разговор наш несколько осложнился слабым знанием моим собеседником иностранных языков. Впрочем, из его ответов скорее на немецком, чем на французском языке, я вполне мог заключить, что он меня прекрасно понимал. Однако для большей уверенности, что между нами не может быть недоразумений, я ему оставил на следующий день по его просьбе краткую памятную записку⁶, в копии при сем прилагаемую, о сделанном мною ему сообщении. С другой стороны, я ему повторил им мне сказанное, предупредив его, что я обо всем этом не премину донести императорскому правительству.

Я начал сообщением, что из текста высочайше одобренной телеграммы Вашего сиятельства норвежскому министру иностранных дел, норвежское правительство могло усмотреть, каким «особенно дружеским и искренним благорасположением воодушевлено императорское правительство по отношению к Норвегии, причем признание нами этого государства в полной его территориальной неприкосновенности должно было убедить норвежское правительство в совершенной неосновательности мнения об агрессивных замыслах России относительно ее северного соседа. Действительно, проявлявшийся в Норвегии уже издавна страх перед нападением России не основан ни на каких серьезных данных. Вековые дипломатические сношения России со скандинавским миром, которые начались не позже XIV века, всегда носили характер откровенности и дружбы. Определение наших границ договором 2 (14) мая 1826 года, которое с тех пор не раз было проверено на месте, хотя и отрезало нас от бухт южного Варангера, продолжает признаваться нами без всякой задней мысли. Мой первый долг заверить Вас именем императорского правительства, что Россия не имеет решительно ни малейшего намерения оспаривать установленную и закрепленную ее подписанием границу».

«Убедить норвежское правительство в миролюбивой политике императорского правительства кажется мне легкой задачей, благодаря нашим добрым, соседственным отношениям, и тому факту, что в течение всей многовековой истории нашей дипломатической жизни с двумя скандинавскими государствами, Норвегия, как мы охотно признаем, всегда выказывала нам несравненно более приязни, чем Швеция. Императорское правительство, с своей стороны, никогда не упускало случая угождать своему северному соседу. Понятно потому, насколько русское правительство было бы неприятно поражено, если бы дошедшие до него сведения, что за последнее время велись переговоры о возобновлении между Англией и Норвегией договора 9/21 ноября 1855 года, оказались верными. Трактат этот был заключен в Стокгольме, в разгар Крымской войны, союзными Англией и Францией с шведско-норвежским правительством в видах присоединения Швеции и Норвегии к системе союзов, направленных против России. С тех пор, мировая политика радикально изменилась, и теперь Россия менее, чем когда-либо, могла бы отнестись безразлично к такому, несоответствующему отношению доброго соседства, действию норвежского правительства. Поэтому и была послана вышеупомянутая телеграмма, в которой заявлено, что Россия признает норвежское государство во всей его территориальной неприкосновенности».

«Мне было приказано, совершенно доверительно, но столь же откровенно, объяснить дружественным образом с Вами, г-н министр, и выразить вместе с тем надеж-

ду, что норвежское правительство само поймет ошибку, которую оно сделало бы, ограничив при первых же шагах своей новой политической жизни свободу действий в международных своих сношениях. Если же норвежское правительство желало бы непременно, несмотря на полнейшую безопасность своих границ, обеспечить неприкосновенность своей территории еще каким-либо особым международным актом, то, по мнению императорского правительства, наилучшим способом достижения этой цели было бы соглашение не только с Англией и Францией, но точно также с Россией и с Германией».

«Таким образом, гарантия эта не имела бы враждебного характера по отношению к России, и норвежский status quo был бы обеспечен не двумя, а четырьмя великими державами».

Министр иностранных дел слушал меня с напряженным вниманием, ни разу меня не прерывал, но казался заметно довольным, по мере того, как я подвигался в своем изложении. Прежде всего, он любезно выразил мне удовольствие относительно назначения меня посланником при дворе короля Хокона и просил меня повергнуть к стопам государя императора благодарность норвежского правительства за столь скорое признание норвежского государства. «Русский император,— продолжал министр,— был *первым** монархом, признавшим нас; но форма, в которую это признание было облечено, даже еще более нас обрадовала, чем поспешность, с которой оно последовало. Правительство короля не может не видеть в этом новое доказательство наших вековых добрососедственных отношений с Россией. Если нельзя отрицать, что Швеция иногда относилась враждебно к России, эти чувства никогда не находили отголоска в Норвегии. Еще в 1855 году норвежские государственные люди относились отрицательно к договору, который был заключен, несмотря на их советы не примыкать к союзу западных держав против России. Мы совершенно уверены в добрых намерениях России относительно нас и не ищем другого обеспечения нашей территориальной неприкосновенности. Все, что было написано в прессе и говорено в некоторых, вне норвежских, политических сферах о возобновлении договора 1855 года, полнейшая неправда. Что же касается будущего, то, не будучи вполне подготовлен, я могу только говорить от своего имени и выражать свое личное мнение. Но это мнение вполне установлено, и я считаю всякую договорную гарантию и в будущем излишней. Если бы, однако, вследствие непредвиденных обстоятельств или политических изменений норвежское правительство сочло полезной подобную гарантию, я уверен, что мы ее не искали бы в соглашении только с двумя великими державами Запада, но и с Германией, и *особенно с великой и могущественной Россией, нашим дружественным и благожелательным соседом*»*.

Вот подлинные слова министра.

Об этом разговоре я счел долгом донести Вашему сиятельству по телеграфу, так как слова г-на Лёвланда находятся как бы в некотором противоречии со сведениями, почерпнутыми Вашим сиятельством из других источников. В полной правдивости министра я, однако, не смею сомневаться, ввиду того, что его речь носила характер чрезвычайной искренности и что он пользуется всеми здесь признанной репутацией вполне прямого и честного государственного деятеля.

Я склонен, поэтому, предполагать, основываясь на некоторых намеках моего собеседника, что мысль о возобновлении трактата 1855 года исходит скорее от стокгольмского, чем от сен-джемского кабинета. Мое мнение имеет, однако, значение только предположения и ничуть не предрашает вопроса о желании, или нежелании Англии, возобновить договор 1855 года.

Прежде, чем проститься с министром, я ему сказал, что есть еще другие вопросы между русским и норвежским правительствами, которые, как я смею надеяться, будут разрешены в смысле справедливости и взаимного дружелюбия, так, например, толкование торгового договора 1838 года и § 9 дополнительной к нему статьи о складочном сборе с шведских и норвежских сельдей, о нашей поморской торговле в Норвегии, о праве пользования лодьями Пазрецкого погоста семужьими ловлями в некоторых норвежских водах и несколько других вопросов, собственно не имеющих политичес-

* Подчеркнуто в подлиннике.

кого характера. Министр ответил мне, что императорское правительство встретит в норвежском правительстве предупредительное желание прийти к полному соглашению обеих держав и что он с удовольствием признает, что аргументация русского правительства во всех спорных вопросах с скандинавским полуостровом *была всегда совершенно убедительной* *.

На этом окончился наш длинный, первый разговор с министром иностранных дел. Прошу Ваше сиятельство принять уверение в глубоком моем почтении и совершенной преданности

Крупенский

АВПР, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 24, л. 447—453. Подлинник.

№ 8

Речь норвежского посланника Н. Х. Г. Пребенсена при вручении копии верительных грамот В. Н. Ламздорфу

30 марта (12 апреля) 1906 г.

Господин граф,
Ваше превосходительство,

В качестве посланника, аккредитованного Норвегией, я прежде всего должен выразить Вашему превосходительству благодарность моего правительства за ту быстроту и благожелательность, с которыми императорское правительство согласилось с желанием, выраженным Норвегией, вступить в дипломатические отношения с Российской империей.

Заверения в дружбе и сердечности, которые были высказаны в Христиании посланником его величества царя, вызвали искреннюю радость короля Норвегии и его правительства, и мне была доверена приятная миссия подтвердить Вашему превосходительству, что Норвегия оплатит теми же чувствами. Я убежден, что на этой основе наша задача будет облегчена, когда нам придется разрешать разные вопросы, вытекающие из соседства двух государств.

Многовековая традиция и сами интересы обеих стран дают нам уверенность в том, что отношения между моей родиной и ее могущественной соседкой будут продолжать развиваться самым счастливым образом.

*АВПР, ф. Канцелярия, 1906 г., д. 106, л. 4. Черновик на французском языке.
Подлинник.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Имеется в виду А. Н. Крупенский, ранее занимавший пост советника посольства в Риме и назначенный в ноябре 1905 г. посланником России в Норвегию.
2. Финмаркен — самая северная губерния (фюльке) Норвегии, делившаяся на три округа (фогтства): Сеньё, Западный и Восточный Финмаркен. Последний округ граничил с Россией.
3. Варангер (Варангер-фьорд) — крайний северо-восточный фьорд Норвегии на границе с Россией.
4. Река Паза или Пасвик-эльв (норвежск. названия), или Паатсо-йоки (финское название). В настоящее время по этой реке проходит граница между СССР и Норвегией.
5. Памятная записка не приводится, поскольку она лишь повторяет кратко то, о чем говорится в донесении А. Н. Крупенского.

* Подчеркнуто в подлиннике.